

Искра Ликоманова

СТАТУС ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТАНДАРТНОСТИ И РАЗГОВОРНОСТИ

Новую лексику в наблюдаемых нами славянских языках можно интерпретировать в категориях иноязычного влияния на славянские языки (Данн 1998, Крысин 1995, Отвиновска-Каштеланиц 2000, Боздехова 1997); в категориях тенденций языковых изменений (Мокиенко 1998, Норман 1998, Манчак-Вонфелд 1994, Мазур 2000, Киршова 1999), в категориях словообразовательных процессов (Земская, Бутлер, Манчак-Вонфелд 1995) или семантических процессов (Ермакова 2000, Марковски 1992, Валчак 1995), в категории языкового союза (Мачкевич 1992), причем все авторы указывают на лавинообразное влияние английского языка в сфере лексики. Библиография по этой теме уже довольно обширная.

Проблему можно рассматривать не только относительно механизмов и масштабов иноязычных вкраплений, в дескриптивистском отношении к ним, но также и относительно некоторого "общего знаменателя", под который следует подвести эти явления теоретически: задаемся вопросом, к какому стилю, к какой разновидности языка следует отнести иноязычные вкрапления. Важно рассмотреть иноязычные заимствования и с точки зрения их функционирования главным образом в речи, по оси соотношения стандартности и разговорности. Количество иностранных слов в славянских языках - по разным подсчетам и методикам - составляет от 7 до 10 %, но раньше иностранные слова функционировали в основном в письменной, специализированной речи, а в последнее десятилетие их сфера употребления расширялась в сферу разговорной речи.

Тематически данные изменения охватывают лексику из сферы моды, косметики, спорта, кино, музыки, поп-культуры (это всё темы, связанные с молодежным социолектом), политики, кухни, преступности, а кроме этого мы их наблюдаем и в технико-компьютерных текстах, в специализированных сферах, таких, как юридической, финансовой, медицинской, рекламной, спортивной, кулинарно-гастрономической. Иновкрапления охватывают как письменную речь по данной теме, так и устную речь, ср. аналогичные примеры в разных славянских языках: п. *dealer, teleshow, floppy, leasing, dyskietka, ikonka*; р. *дилер, телешоу, флорпи-диск, лизинг, дискета, хеву-метал, иконка*, ч. *dealer, teleshow, laptop, lising, clearing, disketa, heavy*

metal, ikonka, б. *лизинг, дилър, телешоу, флоти, дискета, лаптоп, икона*. Имея главным образом лексический характер, среди заимствований наблюдаем и кальки целых словосочетаний: р. *rynkowa стоимость*, б. *пазарна стойност*, п. *wartość rynkowa*, р. *первое чтение*, б. *перво четене*, п. *pierwsze czytanie*, р. *теневой кабинет*, б. *кабинет в сянка*, п. *gabinet w cieniu*, р. *мыльная опера*, б. *сапунена опера*, п. *opera mydlana*. Надо подчеркнуть, что кальки такого типа встречаются не только в славянских языках, но и в других европейских. Это относится и к сложным словам типа р. *теле-шоу, бизнес-ревью*, б. *телешоу, бизнес ревю*, определяемые авторами либо как аграмматичные (относительно морфологии и синтаксиса русского языка, ср. Норман 1998, Гловинская 1996), либо как проявление аналитизма в синтетических языках, либо констатируются без особого внимания к факту существования специфических конструкций (для сербского языка - Чорич 1996, Николич 1996). В болгарском языке подобные конструкции имеют свое основание в так наз. *изафетных* конструкциях, ср. б. *огън-момче, инат-човек, очи-череша*, которые функционируют в ограниченном синтаксическом контексте (подлежащего) и таким образом – неизменяемы.

Указанная проблематика новых слов совсем не унифицирована, не компактна по отношению к коммуникативно-функциональным сферам: значительная их часть встречается преимущественно в средствах массовой информации (СМИ), т.е. в письменной речи. Однако некоторые тематические ограниченные употребления (из сферы музыки, спорта и др.) ограничены возрастно-социально: если и появляются в СМИ, то преимущественно в молодежной прессе. На примере компьютерной терминологии можно отметить, что она функционирует аналогичным образом. Она появляется в сугубо профессиональной сфере общения, т.е. в профессиональных изданиях (типа PC World, Computer World) и в устном общении компьютерщиков, при чем понимание текстов для неспециалистов затруднено. Переход компьютерной терминологии в стандарт проходит через несколько этапов, которые обычно включают в себя как устные формы функционирования, так и письменные.

Проникновение англоамериканизмов в все славянские языки оказалось актуальным не только из-за интенсивности этого процесса в последнее десятилетие, но и из-за неограниченности воздействия на разнообразные сферы употребления языка - ведь ни одна функционально-коммуникативная сфера языка не оказалась способной выработать свои собственные номинации для обозначения новых денотатов, возникших в обществе исключительно быстрыми темпами. Процессы речевой глобализации однако по-разному протекали в разных славянских языках (Ликоманова 2000).

Славянские языки по отношению к английскому “ведут себя” по-разному. Этой проблеме, т.е. вопросу, почему и как проявляются эти различия, предстоит уделять внимание и в будущем, так как именно в различии восприятия или неприятия инородного слова проявляется специфика конкретного славянского языка (напр. в русском, польском и болгарском языках *компьютер* называется *компьютером*, но в чешском *počítač*, а в сербском вместо с инородным словом сосуществует и *рачунар*; ср. также р. и б. *файль*, п. *plik*, ч. *soubor*; р. и б. *принтер*, п. *drukarka*, ч. *tiskárna*).

Славяно-английская интерференция для нас любопытна тем, что она активизирует и динамизирует внутриязыковую интерференцию в славянских языках. Она является катализатором взаимодействия между стандартным (литературным) языком и разговорной речью. Давно и многими учеными указывалось на то, что понятия литературности и разговорности в последнее время, образовывался континуум без ярких границ и без резкого переключения кодов (Бартмински 1991, Любаш 2000, Бугарски 2000). Кроме того, в последнее время в лингвистической теории появились новые понятия, касающиеся специфики разновидностей этноязыка: напр. р. *общий жаргон* (Земская, Ермакова, Розина 1999), *интержаргон* (Быков 1999), п. *intersocjolekt* (Anusiewicz и Skawinski 1996), ч. *publicizm*, п. *pol-szczyzna publiczna* (Wilkon 2000), б. *вестникарски език, медийна реч*. Терминологическая сфера, безусловно, нуждается в упорядочении, чтобы лингвисты смогли обсуждать проблемы общетеоретического характера. В этом плане нам особо важной кажется работа Кестер-Тома 1993.

Мы здесь исходим из предпосылки, что литературный язык (стандарт - СЯ) и разговорная речь (РР) занимают в языковом пространстве этноса равнозначное место, а пространство пересечения стандартности и разговорности определяет известные различия между славянскими языками, отражая “расстояние” между литературностью и разговорностью. Сфера литературности определяется строгой литературной нормой, но разговорность отличается тоже строгой, хотя неписанной, неэксплицированной, но существующей нормой. Особый престиж литературного стандарта, основанного на классической литературе и традиционных памятниках и грамматиках, его иерархически уникальное место среди остальных разновидностей языка этноса в последнее время оспаривается учеными (ср., напр., Г.Нешименко относительно русского и чешского языков, а Й.Бартмински, А.Фурдаль, А.Вильконь и В.Любаш относительно польского языка).

Характер общения в наше время существенно изменился. Анализ коммуникации традиционно проходил через дихотомию письменность vs устность, т.е. формы общения и контакта укладывались в эту дихотомию, формируя тем самым в общих чертах противопоставление СЯ vs РР. Данное противопоставление усиливалось тем, что письменный и устный

контакты находились в комплементарной дистрибуции: то, что первично в устной форме (как, например, диалог), в письменной форме (ср. Театральный или литературный диалог) является вторичным, стилизованным, записанные устные тексты являются вторичными в их письменной форме. И наоборот: написанный для прочтения текст (напр., научная статья) при произнесении вслух приобретает типичные для устной практики вставки. Остальные промежуточные варианты являются в той или другой мере также стилизацией письменного текста под устный, либо его адаптацией для произнесения вслух.

Следует отметить, что многие упомянутые случаи являются результатом технических достижений человечества. Ретроспективный ракурс нам показывает, например, что после изобретения печатной машины и с появлением печатной продукции значительно усилилась роль письменной речи и стандартного языка. Возникший таким образом престиж стандартного языка, однако, несоизмерим с ролью аудиовизуальных изобретений XIX и XX веков, ср., напр. телефон (с 1876 г.), кино (с 1885 г.), радио (с 1920 г.), телевидение (с 1930 г.), телевизионная сеть (с 1980 г.), и, наконец, компьютер - они перевернули дихотомию коммуникации СЯ vs РР своими темпами применения в ежедневной практике.

Различную весомость параметров контакта в РР и СЯ, таких, как директность-индиректность, однонаправленность-разнонаправленность, разновременность-одновременность, нам показалось интересным проследить в социологическом опросе в апреле 1998 г. (ср. Медияте 1999). Целью опроса было определить, каков удельный вес в коммуникации традиционного общения посредством письменных текстов, с одной стороны, и диалогического общения, с другой. Подробные данные опроса опубликованы в упомянутом сборнике, но есть один общий вывод: общение посредством письменных текстов сильно ограничено (субтитры иностранных фильмов - 86%, чтение прессы - 53%). При этом не учтены такие формы общения как телефон, автоответчик, пейджер, электронная почта, Интернет-чаты. Однако именно эти формы заслуживают более пристального внимания.

Электронная почта, будучи письменной по форме, изобилует характеристиками устной речи: оборванными, эмоционально окрашенными фразами, диалогическими выражениями, вплоть до вульгаризмов в частной переписке. Электронные сообщения могут быть официальными как любой письменный текст, но чаще бывают неформальными и лаконичными, экспрессивными и недооформленными. Присутствует спонтанность, нехарактерная для классического эпистолярного жанра, поэтому электронные письма могут приобретать характер записок, обмена репликами, приближающимися к сообщениям по пейджеру или в форме коротких письменных сообщений (SMS) по сотовым телефонам, а также к рэпликам

в чатах. Письменная форма электронной почты имеет вторичный характер, по остальным параметрам это устная коммуникация: по строению, текста, по лексике, по открытому характере длины текста.

Употребление пейджера характерно для сферы общения некоторых профессий, письменные сообщения ограничены знаками и местом, лаконичность достигается за счет разговорных элементов. Письменная форма тоже вторична, тем более, что передача сообщений происходит во всех случаях от устно произнесенной реплики к записанному, часто плохо слышанному письменному тексту.

Что касается сотовых телефонов и возможность передать короткие письменные сообщения, то эта форма общения интересна тем, что ограничивается определенным количеством знаков, что она использует латиницу, а что транскрипция кириллических текстов нефилологами часто хаотична и может привести и к непониманию (ср. б. *jalt, zhxlt, zhylt, *alt* для слова *жълт*). Эти сообщения интересны и появлением неупотребительных, кроме в грамматиках, высказываний (ср. б. *Сега влизам в Пловдив - 1 л. наст.вр.*), стремлением к максимальной лаконичности и экономии в знаках (вм. б. *бих искал* пишется *искам*, вм. *бих могъл* - *мога*, вм. *още веднъж* - *нак*, вм. *sledvashtata sedmica* - *next week*). Экономия речи - типичная характеристика устности, но она наблюдается, как мы увидели, и в письменной речи.

По данным болгарских телекомпаний, сотовыми телефонами располагают главным образом представители молодого и среднего поколения, от 20 до 39 лет, с высшим или средним профессиональным образованием, у которых личный доход превышает 600 лв., при чем 43% пользуются Интернетом, а краткими сообщениями - половина абонентов. В абсолютных цифрах эти носители языка образуют небольшую группу (900 тыс. человек, около 10% всего статистического населения Болгарии), но по своему влиянию на социальную жизнь и публичную речь они занимают существенное место в социальной коммуникации (одна пятая работающих, при том в больших городах, прежде всего в столице, в prosperирующих фирмах и сферах). В социологическом плане для этой группы характерна демонстрация знания английского языка в его активном использовании. Заимствования из гастрономической сферы (б. *барбекю, хамбургер, спагети, лазаня, пица, равиоли, пармезан, шампанско, моцарела, мортадела*) входят в обиход одновременно с реалиями и функционируют как в устной, так и в письменной сфере общения. Их иноязычность привнесит в устную речь адресантов привкус стандартности. В еще большей степени престижность сказывается в употреблении названий из сферы современной культуры, таких, как б. *хепънинг, пърформанс, саундтрак* - эти выражения создают ощущение экзотичности в рамках группы.

Приведенные примеры показывают, что для современной языковой коммуникации типична вторичность в формах общения, т.е. утрачивается исконная антиномия восприятия и противопоставления текстов по оси письменность - устность. Дихотомия, которая установилась с возникновением литературных норм языка, утрачивает свою роль на сегодняшний день. То, что раз сказано (по оси говорить - слушать), может быть превращено на компьютере в письменный текст, а потом прочитано (по оси писать - читать).

Различия между славянскими языками не в заимствовании иностранных аффиксов, лексем и фраз, а в их различной частотности в языках и их идиомах. Если слова типа *маркетинг*, *бартер* и существовали раньше в словарях иностранных слов, то сегодня они приобрели популярность не только в специализированных текстах, но и в обыденной речи (б. *бартер* - обмен товарами вообще). Т.е., РР терминологизуется за счет компьютерной, спортивной, музыкальной, гастрономической лексики. Путь этой лексики проходит от письменного к устному идиому. В то же время краткие письменные жанры (е-майл, сотовые сообщения), о которых шла речь, иллюстрируют обратную тенденцию - от устности к письменности.

Нестандартные, новые коммуникативные задачи обуславливают отмеченную интерференцию как во внутриязыковом взаимодействии (СЯ vs. РР), так и по отношению к иноязычной интерференции (СЯ + РР vs. англоязычные вкрапления). Эта проблематика заслуживает внимания с точки зрения перспективы освоения и дальнейшего функционирования заимствований в разных славянских языках, а также с точки зрения современной типологии славянских языков. Она подсказывает также и пересмотр теоретических предпосылок традиционной дихотомии стандарт - субстандарт.

Л и т е р а т у р а

- Anusiewicz J., Skawicki J. 1996. *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa – Wrocław.
- Bartmiński J. 1991. "Styl potoczny jako centrum systemu stylowego języka", *Poradnik Językowy* 1-2, 10-23.
- Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. 1993. *Polszczyzna jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*, Warszawa.
- Bezdechová I. 1997. "Vliv angličtiny na češtinu", F. Daneš a kol., *Český jazyk na přelomu tisíciletí*, Praha, 271–279.
- Бугарски Р. 2000. "Неки аспекти жаргонизације у нашем данашњем језику", *Јужнословенски филолог* LVI/3-4, 157-161.
- Быков В. 1992. *Русская Феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов*, Мюнхен.

- Wilkoń A. 2000. *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*, Katowice.
- Данн Дж. 1998. "О функциях "англицизмов" в современном русском языке", *Русистика* 1/2, 27-36.
- Дуличенко А.Д. 1994. *Русский язык конца XX столетия*, Мюнхен.
- Ермакова О.П. 2000. "Новые тенденции в лексической семантике русского языка конца XX века", *Русистика* 1/2, 60-75.
- Земская Е.А., Розина Р.И. 1994. "О словаре современного русского жаргона", *Русистика* 1/2, 96-112.
- Земская Е.А., Розина Р.И., Ермакова О.П. 1999. *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва.
- Кестер-Тома З. 1993. "Стандарт-субстандарт-нонстандарт", *Русистика*, Берлин, 2, 15-31.
- Киршова М. 1999. "Англицизми у језику савремене штампе (у руском и српском језику)", *Српски језик* 1-2, 545-553.
- Крысин Л. 1995. "Языковое заимствование: взаимодействие внешних и внутренних факторов", *Русистика сегодня* 1, 117-134.
- Likomanova I. 2000. "Globalizacja świata – czy oznacza ona globalizację mowy (o statusie pożyczek anglojęzycznych w językach słowiańskich)", *Materiały z konferencji "Kultura-język-komunikacja"*, Warszawa, 22.-23.11.2000.
- Lubań W. 2000. "O powstającym słowniku potoczyszów", *JP* 3-4, 165-175.
- Непцименко Г. 1999. *Этнический язык*, Мюнхен.
- Норман Б.Ю. 1998. "Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами", *Русистика* 1/2, 57-68.
- Менас А. 1996. "Morfološke i tvorbene pojave u anglicizmima ruskoga hipijevskog slanga", *Suvremena lingvistika* 41-42, 425-435.
- Małkiewicz J. 1992. "Wyrazy międzynarodowe a kształtowanie się europejskiej ligi słownikowej", *Język a kultura*, t.7, Wrocław.
- Mańczak-Wohlfeld E. 1994. *Angielskie elementy leksykalne w języku polskim*, Kraków.
- Mańczak-Wohlfeld E. 1995. *Tendencje rozwojowe współczesnych zapożyczeń angielskich w języku polskim*, Kraków.
- Markowski A. 1992. *Polszczyzna końca XX wieku*, Warszawa.
- Mazur J. 2000. "Tendencje rozwojowe współczesnego języka polskiego", *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, Sectio FF*, vol. XVIII, Lublin, 177-189.
- Николић М. 1996. "Непроменливи придеви у српском језику", *Наш језик*, XXXI/1-5, 35-54.

- Otwinowska-Kasztelanic A. 2000. *A study of the lexico-semantic and grammatical influence of English on the Polish of the younger generation of Poles*, Warszawa.
- Potoczność w języku i kulturze, Język a kultura*, t. 5, 1992. Pod red. J. Anusiewicza i F. Niekuli, Wrocław.
- Siękowska E. 1993. "Funkcjonowanie nowszych zapożyczeń angielskich we współczesnej polszczyźnie. Wybrane zagadnienia", *Poradnik Językowy* 5, 242-248
- Русский язык в его функционировании (коммуникативно-прагматический аспект)* 1994. Ред. Е. Земская, Москва.
- Сиротинина О.Б. 1999. "Современный публицистический стиль русского языка", *Русистика* 1/2, 5-18.
- Ђорић Б. 1996. "О суфиксалној универбацији у српском језику", *Српски језик*, Београд, 1-2, 60-64.